

рисунками Сахары, более поздние относятся к эпохе додинастического Египта. Вслед затем идут рисунки раннединастического Египта, небольшое число рисунков относится к эпохе фараоновского Египта и, наконец, обильно представлены рисунки предков нынешних хамитских племен, населяющих Нубийскую пустыню. Таким образом, перед нами раскрывается история всей этой страны, непосредственно связанная с историей древнего Египта.

Древнейший слой рисунков дает изображения слонов, жирафов, антилоп, газелей, крокодилов и т. п. Изображение человека схематично, но во всяком случае дает возможность заключить, что употребление лука было уже известно.

Хронологически более позднюю группу представляют рисунки «восточных завоевателей», как их называет Винклер. Особенный интерес представляют их суда с высоко поднятыми кормой и носом. Эти суда по своему типу напоминают суда чужеземцев на известном ноже из Джебель эль-Арака. В свое время сцены, изображенные на рукоятке этого ножа, вызвали оживленную полемику. Теперь, после находок Винклера, нет сомнений, что приходится действительно считаться с наличием двух групп населения додинастического Египта. Одну группу составляли пришельцы, плывавшие на судах типа, резко отличного от судов местного населения. Давно уже указывалось, что нож Джебель эль-Арака имеет несомненную связь с Месопотамией. На одном из шумерийских цилиндров (печатей) было найдено изображение, весьма сходное с изображением на рукоятке этого ножа. В своей работе Винклер также говорит о месопотамском происхождении этого типа лодок. Вообще, для решения этой специальной проблемы наскальные рисунки, найденные Винклером, дают очень много нового.

Одновременно с предшествующей группой являются рисунки древних обитателей Нильской долины. Эта группа характеризуется множеством изображений лодок. Лодки эти хорошо известны нам по находкам в Негада, Иераконполисе и мн. др.— это обычные лодки раннединастического и додинастического Египта.

Очень интересны рисунки автохтонных жителей гор. Повидимому, перед нами рисунки предков современных хамитских племен восточной пустыни — абабде и бишарин. Вероятно, они родственны беджа, которые в египетских текстах появляются под именем маджаев. С ними также связаны блемии греко-римско-коптского времени. На многих из рисунков мы видим характерный для древних ливийцев футляр — караната. Эта деталь указывает на связь их с ливийцами. Винклер в этой группе различает пять типов. Один из них он связывает с культурой Нагада I (амратская культура), другую ставит в связь с Негада II (герзейская культура). Стоит отметить замечание Винклера, что древнейшие из этих рисунков сходны с рисунками, найденными к западу от Египта. Более поздние из них, однако, имеют целый ряд характерных черт, отличающих их от западноливийских рисунков и свойственных только восточной группе. Из этого Винклер заключает о единстве культуры всех хамитских племен до образования египетского государства. С того времени, как в долине Нила возникло мощное государство и сообщение между странами, лежащими к востоку и западу от долины Нила, было прервано, началось обособление каждой из этих групп.

Появление верблюда в эпоху блемиев произвело переворот в экономических условиях. Использование верблюдов открыло перед туземными племенами новые возможности. К этому времени число рисунков увеличивается, и можно думать, что численность населения стала более значительной. Цит и меч в руках блемиев показывают их воинственность. К этой эпохе относятся многочисленные знаки отдельных родов, причем эти знаки чрезвычайно развиты. Повидимому, они служили знаками собственности, и ими метили верблюдов и домашний скот.

Рисунки арабского периода, так же как и рисунки кофтов, очень немногочисленны и особого интереса не представляют.

Этот краткий обзор показывает значение работ Винклера. Надо надеяться, что работы его будут продолжены и история древнейшего Египта и окружающих его хамитских племен станет для нас яснее.

Д. Ольдерогге

E. Jensen Krieger and J. D. Krieger. The Realm of a Rain-Queen. A study of the pattern of Lovedu-Society. London, 1943.

Труд двух южноафриканских этнографов, супругов Криге, посвящен описанию ловеду — одного из племен южных банту, находящихся под протекторатом Южноафриканского союза и обитающих к северу от р. Лимполо, между Родезией с севера, Трансваалем с юга и территорией Португальской Восточной Африки с востока. Племя ловеду, насчитывающее всего около 33 тыс. человек, окруженное более многочисленными и гораздо более значительными племенными группами (сото, нгуни, шона), представляет большой интерес для этнографии и истории первобытного общества.

Рецензируемая книга — труд десятилетней (с 1928 по 1938 г.) полевой работы. Авторы — эрудированные этнографы — воспитанники южноафриканской школы социальной антропологии Хернле. Книге предпослано предисловие главы правительства Южноафриканского союза, фельдмаршала Смэтса.

Авторы прослеживают историю ловеду с XVII в., начиная с легендарного периода их королевства, основанного, согласно устной традиции, пришельцами с севера. Традиция приписывает основание королевства легендарной дочери короля Вакаранга, которая родила сына, повидимому, от своего брата. Это отцовство скрывается, и мать девушки провозглашает: «Отец ребенка королевы не должен быть известен». Однако король-отец изгоняет дочь, она бежит со своими приближенными на юг, и здесь ее сын и его потомки становятся королями ловеду. После правления нескольких королей, говорится в легенде, наступил период смут, неурядиц и распрей. Тогда король Мугэдэ решил: «на женщин можно больше положиться». Обратившись к своей дочери, он назначил ее королевой, обеспечив кровосмесительным сожителем рождение от нее наследницы.

В последующий период и до настоящего времени королеве не полагалось быть замужем, и наследница не обязательно должна была быть ее дочерью. Так, вторая по счету королева была бесплодной, и ее преемницей была назначена дочь одной из ее «жен» — приближенных к ней женщин. Королева считается как бы «отцом» наследницы. Фактическое отцовство наследницы, а тем менее брачное сожителем королевы с кем-либо из главных ее советников-вождей, обязательно состоящим в близком родстве с ней, официально не учитывается, хотя в действительности имеет большое значение, так как эти лица играют главную роль при королеве.

За полтора века сменилось три королевы, носящих одно и то же имя Муджаджи. С 1896 г. по настоящее время царит Муджаджи III, приобретшая большую славу.

Королевство Ловеду названо авторами «государством дождевой королевы». Магическая способность повелевать тучами и вызывать дождь считается основой власти Муджаджи, она прослыла самой могущественной чародейкой на всем юго-востоке Африки, и к ней обращаются в особенно тяжелых случаях и окружающие племена, в том числе даже зулу.

Авторы указывают, что королевская власть у всех южноафриканских племен, и ловеду в том числе, всегда сочеталась с магическими функциями вызывателя дождя. Однако Муджаджи III превзошла своих предшественников. Авторы ставят вопрос: на каком базисе эта королева маленького племени северо-восточного угла Трансваала основала свою власть и добила такого престижа и славы?

Ставя своей задачей возможно более полное описание культуры ловеду, авторы подробно исследуют систему родовых взаимоотношений, норм семейно-родового права. Много места уделяется магической практике, культу предков, а главное культу вызывания дождя. Главная заслуга авторов состоит в описании сложной и трудно уловимой системы связей и взаимоотношений отдельных звеньев родовой организации, в глубоком анализе и четком установлении основ равновесия этой системы, представляющей как бы каркас всего общества.

Центральное место в семейно-родовых отношениях и в хозяйственной жизни ловеду занимает обмен между родами, с одной стороны, невестами, а с другой стороны, выкупом или калымом за них (муниволо на языке ловеду), состоящим из некоторого количества скота. Выдав замуж дочь и получив за нее выкуп, отец женит сына, передав поступивший скот в обмен за невесту для сына. Впоследствии брат обязан выдать свою дочь в род, откуда он получил калым для выкупа своей невесты и куда вышла замуж его сестра. Идеальный брак с точки зрения брачных норм ловеду — это брак мужчины с дочерью своего материнского дяди или девушки с сыном сестры своего отца. В результате устанавливается кольцевая цепь между родами, обменивающимися в одном направлении невестами, а в обратном направлении — скотом. Эту кольцевую цепь авторы сравнивают с круговоротом кула на Тробриановых островах, описанным Малиновским. Как указывают авторы, личная симпатия и сексуальные отношения вовсе не составляют основы брака ловеду; по их словам, «главная функция брака — создавать и поддерживать связи между родовыми группами».

Это особенно ясно в тех случаях, когда в семье, куда выдана сестра и откуда получен скот, нет сына или сын еще мал. Тем не менее, семья брата обязана, как только здесь подрастет дочь-девушка, послать ее в семью сестры в качестве «невестки». Фактическое сожителем тогда большей частью осуществляется мужем тетки девушки, но центр тяжести лежит здесь в той работе, которую выполняет «невестка». В силу полигамной формы брака у ловеду и многочисленности и неравномерности патриархальных семей в отношении наличия дочерей и сыновей — на практике эта основная схема сильно усложняется, создаются контрверсы, грозящие нарушить равновесие. В случае отказа прислать девушку-невестку род мужа сестры может потребовать обратно скот, поступивший выкупом за нее, и тем разорвать брата.

В книге дается подробное описание действия отдельных звеньев этой кольцевой цепи и рычагов, поддерживающих ее устойчивость. Авторы протягивают линии от этой системы брачных связей во все области жизни ловеду, показывают значение женщины в хозяйстве. Касаясь формы власти, авторы описывают интереснейшую систему взаимоотношений королевы с вождями отдельных округов. В обеспечение выпадения в нужный период дождя вожди присылают королеву-чародейке подать в виде девушек, которые называются «женами» королевы, живут при дворе и выполняют многочисленные хозяйственные работы. При передаче их королеве они должны быть

девушками, впоследствии они сожительствуют с ближайшими советниками королевы, но официально не вступают в брак никогда.

Описание всего религиозного комплекса, данное Дж. Д. Криге, сделано очень обстоятельно. Подробное и живое изображение дождевого культа особенно ценно передачей того характера жизненной важности и повседневной необходимости, которую имеет этот культ у ловеду. Однако интерпретация явлений религиозной жизни ловеду, даваемая автором, нами принята быть не может.

Автор — верная последовательница Джемса Фрэзера в его разграничении магии и религии и в его теории сакрального происхождения власти. Описывает церемонию жертвоприношения на могиле предка королевы, автор тонко расщепляет волокна сакральной ткани и отделяет магическое действие и заклинание от умиловительной жертвы. Действительно, в этой церемонии можно проследить переход от магического к умиловительному культу, однако обе эти формы (органическая связь между ними хорошо обрисована самим автором) в одинаковой мере входят в общий комплекс религии ловеду. Муджаджи III изображается Дж. Д. Криге как типичная фигура царя-мага, одного из ряда так блестяще обрисованных Дж. Фрэзером. Это подтверждается рядом характерных черт: например, королеве не следует дожидать до естественной смерти, она должна покончить с собой по истечении известного периода ее царствования.

Как разъяснил Фрэзер относительно подобного рода установлений, их породило представление с том, что предшествующие естественной смерти болезнь и ослабление организма царственной особы повлекут за собой неблагоприятие и ослабление общества в целом; поэтому неизбежная смерть должна прервать жизнь королевы, когда она здорова и находится в полном обладании своих сил. Впрочем, как сообщают и авторы, и фельдмаршал Сметс, видевший королеву, Муджаджи III, хотя и переступившая давно порог 60-летия, еще вполне здорова и бодра и, следовательно, может еще оторочить свое самоубийство.

Тем не менее, образ этот сложнее, чем его рисует автор. У Муджаджи есть жрец, который играет едва ли не главную роль в самом культе. Он путем гадания устанавливает причины засухи, руководит основными церемониями и обрядами. В некоторых случаях он указывает, что мог бы сам вызвать дождь, но Муджаджи «связывает его руки». Состояние погоды считается неразрывно связанным с состоянием самой Муджаджи. Так, большая засуха 1938 г. была приписана тому обстоятельству, что королева была сильно огорчена любовной связью своей дочери с простым человеком. Сложная система табуаций, запрещение показываться как своему народу, так, в особенности, чужеземцам (исключение было сделано впервые для Сметса, главы правительства Южноафриканского союза), вместе с отказом от естественной смерти, подчеркивают выделение королевы из ряда смертных, делают ее как бы сверхъестественным существом. Повидимому, Муджаджи — живое олицетворение сил плодородия, воплощение богини дождя. Но влияние «королевы» ограничено областью сакрального, да и то она действует по указке советников и жреца. Реальной властью она не обладает. Как явствует из ряда разбросанных замечаний авторов, и военная власть, и судебное разбирательство, и организация работ находятся в руках вождей-советников.

Все описание общества ловеду как «государства дождевой королевы», как царства повелительницы-чародейки дано в типично фрэзерянском духе и вряд ли отвечает действительности. Авторы уделяют много внимания описанию внешних сторон оформления власти в королевстве ловеду, описывают борьбу группировок при выборе новой королевы и т. п. Между прочим, они сообщают интересную черточку: в момент представления новой королевы вождям-советникам она вооружена, как мужчина, мечом, копьем и щитом. Характерно само название главы, посвященной этой области жизни: «Рычаги политической машины». Но анализа действительных сил, приводящих в действие общество, способствующих развитию процесса классообразования, мы здесь не найдем. Эти силы совершенно не исследованы обоими авторами, они остались за пределами их внимания. Говоря о «сотрудничестве» (co-operation), Криге не описывает расслоения общества, не указывает общественных группировок. Не описаны ни нормы землевладения, ни система взимания податей, ни организации общественных работ.

Поэтому, несмотря на подробное описание отдельных сторон жизни ловеду, все же не получается полного представления об этом племени, о стадии его общественного развития. А главное, возникает вопрос — можно ли вообще считать ловеду государством, а Муджаджи — королевой? Ни централизованной власти, ни отделенной от народа вооруженной силы у ловеду не наблюдается. Не вернее ли считать это общество находящимся на стадии перехода от родового к раннеклассовому? Что касается государства, то первые проблески его возникновения можно видеть только в объединении отдельных родо-племенных групп (которые, повидимому, указаны авторами под названием «округов») и в зачаточной централизации власти в руках союза вождей. Очевидно, именно так надо рассматривать описанных авторами «советников», фактически пользующихся авторитетом от имени «королевы», сакральный ореол которой усиливает значение этой централизации.

Изображение общества ловеду как королевства дает в своем предисловии и

Смэтс. В особенности восторженно описывает он Муджаджи III, как повелительницу, «настоящую королеву с головы до ног». Такое стремление видеть у африканского племени монархию нетрудно объяснить общими политическими симпатиями главы доминиона Великобритании, фельдмаршала английского короля.

В то же время Смэтс говорит о пережитках прошлого в этом обществе. Смэтс указывает, что у ловеду женщины пользуются «неестественно повышенным положением» и что «поддержание этого положения в патрилинейном обществе не только пережиток; оно тесно связано с отличительными особенностями, вносимыми в культуру королевы, которая, помимо того, что она глава религиозной жизни, является стержнем переплетающихся вокруг нее нитей политических взаимоотношений...». Далее, перейдя к системе межродового обмена невестами и скотом, Смэтс продолжает: «Женщина, таким образом, становится стержнем системы, которая объединяет брачующиеся группы, окружающие организации и, в целом,— всю политическую структуру».

Хотя Смэтс и не уточняет термина «пережиток», но из дальнейшего текста можно сделать вывод, что имеются в виду пережитки матриархата. Это положение, сформулированное хотя и не этнографом, но знатоком африканской этнографии, на первый взгляд кажется обоснованным. Однако, при более детальном анализе обоих явлений (власти королевы и роли женщины в межродовых отношениях), оценка, данная им Смэтсом, вряд ли выдерживает критику.

Легендарная история основания «королевства» Ловеду, повидимому, рисует, хотя и в очень смутных чертах, период борьбы материнского и отцовского права, заканчивающийся победой последнего. Переход к патриархальному роду — это начало дифференциации внутри первобытной общины. Начинается процесс классовообразования, сопряженный с борьбой отдельных групп внутри этого переходного общества. В поисках выхода из этого неустойчивого положения мог оказаться подходящим кажущийся возврат к материнскому праву, однако в сильно модифицированном и даже извращенном виде.

Необходимым элементом даже в легенде является кровосмешение, т. е. рождение наследницы от отца или брата. В реальной жизни и мужем и отцом наследницы, хотя и тайными, являются советники, состоящие непременно в близком родстве с королевой, т. е. представители того же рода. Власть королевы ловеду ограничена только областью сакрального, она носит бутафорский характер. «Жены» королевы представляют, с одной стороны, своего рода коллективный гарем (на это указывает обязательность девственности присылаемых окружающими вождями девушек и следующее потом сожительство с советниками королевы), с другой стороны,— это рабочая сила для двора. Никаким влиянием при дворе они не пользуются.

Обратившись к межродовому обмену, мы должны отметить, что необходимым элементом его является выкуп, покупка женщины — одна из самых типичных черт патриархального общества. Женщина играет такую большую роль в жизни ловеду в силу значения женских работ в хозяйстве, она ценна как главная рабочая сила в сельскохозяйственном хозяйстве огородного типа. Но ведущая роль в жизни рода и патриархальной полигамной семьи принадлежит мужчине.

Таким образом, с положением фельдмаршала Смэтса согласиться нельзя. Ни одно, ни другое из указанных им явлений пережитков матриархата не составляют.

В обществе ловеду действительно есть пережитки матриархата, но они состоят в другом. Прежде всего, это крепкая связь женщины с родом, из которого она пришла, связь, не порывающаяся до самой смерти и, главное, передающаяся ее детям. Авторы приводят туземное выражение, которое в свободном переводе гласит: «Чувство любви связывает человека с родными со стороны матери; отношения, касающиеся собственности — с отцом и его родичами». В этой формулировке с замечательной яркостью характеризуется борьба материнского и отцовского права, вернее, такое положение, когда патриархальное начало уже победило, но материнское право еще достаточно сильно сказывается.

Авторы дают живое описание его проявления: дети проводят большую часть времени с бабушкой по линии матери; обычно после рождения следующего ребенка мать отсылает старшего к своей матери, фактически в семью своего брата. Бабушка особенно заботлива по отношению к ребенку дочери и в случае ссоры всегда защищает его против детей сына. Особенно характерно положение ребенка, лишившегося матери. Он никогда не остается ни у одной из жен своего отца, а воспитывается или бабушкой или в семье материнского дяди или даже материнской тетки,— во всяком случае у сородичей своей матери.

Далее, связь женщины с родом обеспечивает ей некоторую независимость в полигамной семье. В случае, если муж наносит ущерб ее материальному положению или достоинству женщины, она обращается за помощью к отцу или брату.

Наконец, пережитком прошлого являются и те крепкие межродовые отношения, которые скрепляют все общество ловеду указанной выше кольцевой цепью.

Заключительная глава монографии посвящена вопросу этногенеза ловеду, их связям с окружающими их племенами, а также следствиям влияния европейской колонизации. Этногенез прослежен очень далеко в глубь истории, и установление его включает историю миграций большого ряда племенных групп и отдельных племен. Приложенная графическая схема этногенетических связей с датировкой миграции

очень сложна, но точность проведенных линий и в особенности датировок очень сомнительна и вряд ли имеет научную ценность.

Самая последняя часть работы явно не удовлетворяет читателя. Дав анализ и подробное описание общества ловеда, авторы кончают тем, что указывают, от кого из соседних племен заимствованы те или иные стороны их жизни, и тем самым как бы еще раз подчеркивают свой отказ искать объяснение этих явлений в глубоких спонтанных процессах внутри самого общества.

Авторы считают своей главной задачей выявить специфику общества ловеда и находят ее в стремлении к трем основным факторам: обеспечение благополучия, чувство собственного достоинства и отдых, восстанавливающий силы. По словам Криге, первое находит свое выражение в магии дождя, и поэтому королева становится основой структуры общества ловеда. Второй фактор осуществляется в инициациях и в участии в племенном совете.

Наконец, общественные собрания с обильным употреблением пива, с плясками и играми удовлетворяют последнее стремление. Так рисуют авторы основные характерные черты общества ловеда.

Труд супругов Криге привлек к себе внимание со стороны африканистов. Кроме вступительной статьи Смэтса, появились две рецензии на описываемую книгу. В особенности интересна та из них, которая напечатана в журнале «Map» за ноябрь — декабрь 1944. Подписанная инициалами A. I. R. она, очевидно, принадлежит перу Andrey I. Richards'a, автора главы о племени бемба в книге «African Political Systems», изданной под редакцией M. Fortes'a и E. Evans-Pritchard'a.

Автор рецензии видит главный теоретический интерес книги в попытке дать новый тип этнографической монографии. Для Ричардса рецензия служит поводом, чтобы изложить свою точку зрения на этот вопрос, что он и делает в подробной форме. Не имея возможности входить в рассмотрение изложенных в рецензии положений, укажем только, что Ричардс, отдавая должное изложению авторами богатого материала, признает их попытку неудавшейся. В частности, моменты, взятые Криге в качестве основных для характеристики общества ловеда, Ричардс считает не поддерживаемыми критикой.

В целом книга супругов Криге представляет ценность благодаря собранному в ней живому и сочному материалу, пополняющему наши сведения о родовом обществе. Она окажется весьма нужной не только специалистам-африканистам, но и этнографам и историкам, занимающимся общими проблемами родовой организации и первобытной культуры. Но методологически работа слаба и эклектична. Этот недостаток, видимо, старался пополнить Смэтс, написав предисловие в духе функциональной школы. Но и его усилия мало помогают делу. Основной вопрос, поставленный авторами, — о характере власти в «королевстве» Ловеда, так и остался в значительной мере открытым.

Б. Шаревская

Frederic R. Wulsin, The prehistoric archaeology of north-west Africa (Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology, Harvard University, vol. XIX, 1). Cambridge, Mass., U. S. A., 1941.

Почти два десятилетия легли между двумя великими войнами, потрясшими мир. Эти 20 лет в Северной Африке и прилегающих к ней областях Сахары были временем интенсивной разведки возможного театра военных действий. Многочисленные экспедиции, автомобильные пробеги, испытания разного рода машин все чаще и чаще устраивались как французами, так и итальянцами и англичанами. На страницах специальных географических журналов в 30-х годах нашего века неоднократно упоминаются руководители этих экспедиций, по преимуществу военные. Эти исследования возможности использовать автомобильный транспорт в условиях пустыни значительно расширили наши сведения по археологии Сахары и Ливийской пустыни. Если до того мы располагали лишь отдельными находками, то теперь целый ряд мест хорошо изучен, и мы можем себе представить довольно связную картину состояния Сахары в древности. В 1921 г. появилась сводная работа Фламанды (Flamand), в которой были собраны наскальные рисунки и надписи Северной Африки. Несколько лет спустя Фробениус и Обермайер в прекрасно изданном альбоме «Хаджра Мактуба» опубликовали много новых материалов из французской части Алжирской Сахары. Ряд итальянских и французских экспедиций расширили наши знания о южных районах: Фецане, Тссили Аэдждера, Аддрар Анете и др. Всеми этими экспедициями собран материал, относящийся как к древнейшей эпохе, когда Сахара была еще страной с влажным климатом, где водились слоны, гипопотамы и прочие животные тропиков, так и к последующим эпохам — протоливийцев, ливийцев, римского времени, вплоть до появления ислама и современных нам наскальных надписей туарегов. Все эти новые сведения до сих пор были рассеяны по самым разнообразным периодическим, нередко трудно доступным, местным изданиям.

Фредерик Вульсин поставил своей задачей собрать все эти сведения и дать связную картину доисторической археологии северо-западной части Африки. В его работе довольно полно собраны все сведения о французских исследованиях этой ча-